

7. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) №308 «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М, 1943. - 576 с. - [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://istmat.org/node/46163?ysclid=miouj9qjf6935341339>

8. Рейтинг вузов Казахстана 2008. - Режим доступа: http://www.edu.gov.kz/ru/obrazovanie_v_kazahstane/reiting_vysshikh_uchebnykh_zavedenii

9. Система высшего образования в Казахстане // Enic-Kazakhstan. Национальный центр развития высшего образования. - [Электронный ресурс] Режим доступа: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/reference_information/sistema-vysshego-obrazovaniya-v-kazahstane

К ПРОБЛЕМЕ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Оленберг А.Л.

Научный руководитель: к.и.н., ассоциированный профессор Абдрахманова К.К. Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова
artemijolenberg@gmail.com
г. Караганда

В данной статье рассматривается историография проблемы депортации народов в Казахстан. Проведен анализ ключевых работ зарубежных и отечественных исследователей, освещающих вопросы насильственных переселений, их этапы, причины и последствия для демографического и социокультурного развития республики.

Насильственные принудительные миграции (депортации) представляют собой один из ключевых и наиболее жестоких репрессивных инструментов, применявшихся советским государством в XX веке. В отличие от индивидуальных арестов, депортация являлась формой политической репрессии, носившей административный и, главное, коллективный характер. Она была направлена не на конкретного человека, а на целые группы населения, выделяемые по классовому, социальному, а в 1930-1940-х годах - преимущественно по этническому признаку [1, с. 11].

В географии сталинских репрессий Казахская ССР заняла особое место. Республика стала не только территорией расположения крупнейших лагерей ГУЛАГа (Карлаг, АЛЖИР), но и главной базой для расселения депортированных народов. Выбор Казахстана был обусловлен наличием огромных малозаселенных территорий (особенно после демографической катастрофы голода начала 1930-х гг.) и необходимостью обеспечения дешевой рабочей силой промышленных гигантов (Карагандинский угольный бассейн, цветная металлургия). Это привело к формированию двойственного определения роли республики: с одной стороны - «тюрьма народов» с жестоким режимом спецпоселений, с другой - невольная «лаборатория дружбы народов», где в экстремальных условиях происходило формирование уникального полиэтничного общества.

Изучение этого сложного процесса прошло путь от полного замалчивания до формирования обширной историографической базы, обзор которой и является целью данной статьи.

Зарубежная историография. Особое место в изучении проблемы занимают труды зарубежных ученых. В западной историографии (преимущественно англо-американской и немецкой) депортации часто анализируются через призму концепции прав человека и геноцида. Исследователи акцентируют внимание на том, что принудительное переселение приводило к «частичному физическому уничтожению» групп и разрушению основ их культуры. Классик советологии Роберт Конквест в своей монографии «Убийцы наций» (*The Nation Killers*), опубликованной в Лондоне в 1970 году [2], детально рассмотрел механизмы принятия решений в Кремле, подчеркивая внесудебный характер расправ. Фундаментальное значение имеет работа Александра Некрича «Наказанные народы» (*The Punished Peoples*), изданная в Нью-Йорке в 1978 году [3]. А.Некрич одним из первых на Западе ввел в научный оборот сведения о трагедии «карательных депортаций» народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) и калмыков, обвиненных в пособничестве врагу.

Современная дискуссия фокусируется на терминологии и определении геноцида. Важным направлением является изучение наследия самого автора термина «геноцид» Рафаэля Лемкина. Как показывает в своей статье «Заложник политики: Рафаэль Лемкин о «Советском геноциде» (*Hostage of Politics: Raphael Lemkin on "Soviet Genocide"*, 2005) исследователь Антон Вайс-Вендт [4], Лемкин

квалифицировал советскую политику в отношении малых народов как социокультурный геноцид. Эту линию продолжают современные исследователи Норман Наймарк и Эрик Вайц [5].

Однако применимость этой концепции к казахстанскому контексту остается предметом научных дискуссий. Ряд критиков указывает на то, что целью сталинских депортаций, в отличие от Холокоста, являлось не тотальное физическое уничтожение этносов, а установление над ними полного политического контроля и их экономическая эксплуатация («перевоспитание» трудом). Тем не менее, как отмечает Адам Джонс [6], условия транспортировки и режима спецпоселения приводили к столь массовой смертности, что грань между «политическим террором» и «геноцидом» фактически стиралась.

Российская историография. В российской исторической науке постсоветского периода доминирующим вектором стала «архивная революция», позволившая реконструировать институциональные и экономические механизмы депортаций. Методологической основой российских исследований является позитивистский подход, опирающийся на сплошной анализ документов НКВД-МВД и партийных органов.

Российский историк В.П. Попов в своей статье «Государственный террор в советской России» (1992) [7] впервые на основе статистики МВД проанализировал реальные масштабы репрессий и роль принудительного труда в экономике СССР. В.Ф. Зима в монографии «Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия» (1996) [8] убедительно раскрыл связь между послевоенным экономическим кризисом и ужесточением режима спецпоселения («второе раскулачивание»).

Особую роль сыграли труды Н.Ф. Бугая, в частности сборник документов «Л. Берия - И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..."» (1995) [9], документально подтвердившие, что депортации были не спонтанной реакцией на войну, а заранее спланированной государственной акцией. Важнейший вклад в систематизацию знаний внес П.М. Полян, предложивший в монографии «Не по своей воле...» (2001) [1] подробную классификацию депортаций. Он выделил основные «волны», затронувшие Казахстан:

«Превентивные» депортации (середина 1930-х): выселение поляков и немцев из приграничных районов Украины в 1936 г. и тотальная депортация корейцев с Дальнего Востока в 1937 г. [1, с. 253].

«Тотальные» депортации военного времени (1941-1944): выселение немцев Поволжья (1941), карачаевцев (1943), чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар и турок-месхетинцев (1944) [1, с. 116].

Основные статистические данные по этим этапам, реконструированные П.М. Поляном на основе архивных материалов НКВД, приведены в таблице 1:

Таблица 1. Хронология и масштаб этнических депортаций в Казахстан (по данным П.М. Поляна [1])

Годы	Депортируемая группа	Регион выселения	Официальная мотивировка	Основные регионы вселения в КазССР	Численность (ориентировочно)
1	2	3	4	5	6
1936	Поляки и немцы	УССР (приграничная полоса)	«Очистка приграничной полосы», «неблагонадежность»	Карагандинская, Северо-Казахстанская обл.	~ 36 000 чел. (15 тыс. хозяйств)
1937	Корейцы	Дальневосточный край (ДВК)	«Пресечение проникновения японского шпионажа»	Кзыл-Ординская, Алма-Атинская, Южно-Казахстанская обл.	~ 98 000 чел. (из 172 тыс. общих)
1941	Немцы	АССР Немцев Поволжья, города Европейской части	«Наличие тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов»	Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Семипалатинская и др.	> 460 000 чел.

Годы	Депортированная группа	Регион выселения	Официальная мотивировка	Основные регионы вселения в КазССР	Численность (ориентировочно)
1	2	3	4	5	6
1943	Карачаевцы	Карачаевская АО	«Пособничество немецко-фашистским оккупантам»	Южно-Казахстанская, Джамбулская обл.	~ 45 000 чел.
1944	Чеченцы и ингуши	Чечено-Ингушская АССР	«Измена Родине», «пособничество оккупантам»	Алма-Атинская, Джамбулская, Кызыл-Ординская и др.	~ 406 000 чел.
1944	Турки-месхетинцы, курды, хемшилы	ГССР (приграничная полоса)	«Пособничество врагу», «родственные связи с границей»	Алма-Атинская, Джамбулская, Южно-Казахстанская обл.	~ 28 000 чел.

Казахстанская историография. В казахстанской историографии данная проблема рассматривается преимущественно через призму ее этнополитических и социокультурных последствий для республики, а не в контексте общесоюзных репрессивных механизмов. В методологическом отношении исследователи опираются на комплекс архивных материалов, дополняя их подходами устной истории и этнологическими методами.

Принципиально важным для казахстанского дискурса является вопрос терминологии. В отличие от западной (правовой) и российской (институциональной) традиций, казахстанские исследователи часто оперируют понятиями «этноцид» и «культурный геноцид». Если юридическое определение геноцида (согласно Конвенции ООН) предполагает наличие умысла на физическое уничтожение группы, то концепция этноцида акцентирует внимание на насильственном разрушении культурной идентичности.

Депортация рассматривается как инструмент уничтожения языка, традиционного уклада, социальной структуры и институтов самоорганизации народов (ликвидация автономий, национальных школ), что нанесло непоправимый урон их генофонду и культуре, даже при сохранении физического существования значительной части этноса.

Основной массив исследований посвящен истории конкретных этнических групп. Фундаментальный труд Г.Н. Кима «История иммиграции корейцев» (1999) [10] стал классическим примером реконструкции судьбы одного народа - от депортации до адаптации. Трагедия вайнахов получила всестороннее освещение в монографии Ж.А. Еремекбаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы» (2009) [11]. История немецкой диаспоры рассматривается в работах Т.А. Апендиева [12] и Ж.С. Мажитовой [13], где особое внимание уделено феномену трудовой армии как форме принудительного труда.

Источниковой вершиной казахстанской историографии является серия сборников «Из истории депортаций. Казахстан» в 3-х томах [14, 15, 16]. Это издание ввело в научный оборот огромный массив ранее засекреченных документов:

Том 1 (1930-1935) охватывает период начала принудительных миграций и, включая в себя 306 документов (86% из которых опубликованы впервые), посвящен раскулачиванию и крестьянской ссылке. Представленные материалы (постановления Казкрайкома, директивы ОГПУ, отчеты с мест) не только раскрывают механизмы массового выселения, ставшего «полигоном» для отработки методов будущих этнических депортаций, но и освещают трагические последствия этой политики: вооруженные восстания населения и голод, охвативший республику в эти годы [14].

Том 2 (1935-1939) отражает трансформацию репрессивной политики от классового принципа к этническому. Сборник подробно освещает депортации поляков и немцев из приграничных районов Украины (1936) и тотальное выселение корейцев с Дальнего Востока (1937). Важной частью тома являются материалы, демонстрирующие свертывание национальной политики: ликвидацию национальных районов, школ и сельсоветов, а также активное внедрение русского языка [15].

Том 3 (1939-1945) охватывает наиболее драматичный период тотальных депортаций в годы Второй мировой войны (поляков, немцев, финнов, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок, курдов и др.). Помимо официальных документов о транспортировке и расселении, сборник включает уникальный раздел «устная история» - воспоминания очевидцев, позволяющие реконструировать повседневную жизнь спецпереселенцев и их вклад в Победу, несмотря на лишение гражданских прав [16].

Значимость этого издания не только в публикации директив НКВД, но и во включении раздела «устная история». Свидетельства очевидцев позволяют реконструировать «человеческое измерение» трагедии и подтверждают факты массового гуманизма со стороны местного казахского населения, что является важным элементом национальной памяти.

Подводя итог сравнительному анализу, можно выделить методологическое различие школ. Западные исследователи рассматривают депортации в контексте международного права, квалифицируя их как преступление против человечности. Основное внимание уделяется роли тоталитарного государства, его идеологии, централизованной власти и механизмам насильственного воздействия на население. В работах подчёркивается нарушение базовых прав человека и анализируются правовые последствия подобных действий. Российские историки сосредоточены на институциональном аспекте проблемы: они изучают деятельность государственных структур, принимавших решения о депортациях, анализируют документы партийных и репрессивных органов. Значительное внимание уделяется восстановлению статистики - численности депортированных, демографическим потерям, уровню смертности и масштабам принудительного переселения. Казахские исследователи применяют преимущественно этнополитический и социокультурный подход. Они рассматривают депортации не только как политическое решение, но и как процесс, повлиявший на сохранение или разрушение этнической идентичности депортированных групп. Отдельный акцент делается на феномене «культурного геноцида», то есть разрушении традиционной культуры, языка и социальных связей. Также изучается феномен межэтнической интеграции в Казахстане - как депортированные сообщества адаптировались, выживали, развивали новые формы взаимодействия с местным населением и включались в социокультурную среду республики.

Таким образом, анализ историографии позволяет сделать вывод, что депортации были преступлением против человечности, направленным на уничтожение субъектности целых народов и решение экономических задач тоталитарного режима. Однако долгосрочные последствия этой политики оказались обратными замыслу организаторов. Вместо атомизации общества произошло формирование уникального полиэтнического социума. Сегодня тема депортаций вышла за рамки сугубо академических исследований и стала фундаментом современной политики памяти в Казахстане. Историографический нарратив о совместном выживании депортированных народов и местного населения трансформировался в государственный идеологический концепт. Институциональным воплощением этой памяти стала Ассамблея народа Казахстана, чья деятельность базируется на принципах межэтнического согласия. Учреждение Дня благодарности (1 марта) стало символическим актом признания гуманизма казахского народа, принявшего миллионы переселенцев. Научное знание активно транслируется в общественное сознание через музейные комплексы, такие как Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР» и Музей памяти жертв политических репрессий в п. Долинка, которые превращают трагический опыт прошлого в урок толерантности для будущих поколений.

Список использованной литературы:

1. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. - М.: О.Г.И., 2001. - 328 с.
2. Conquest R. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. - London: Macmillan, 1970. - 222 p.
3. Некрич А. Наказанные народы. - Нью-Йорк: Хроника, 1978. - 170 с.
4. Weiss-Wendt A. Hostage of Politics: Raphael Lemkin on "Soviet Genocide" // Journal of Genocide Research. - 2005. - Vol. 7, no. 4. - Pp. 551-559. DOI: 10.1080/14623520500350017.
5. Михалев Н. А. «Сталинский геноцид» (?) этнические депортации населения СССР 1930-1940-х гг. в оценках современной зарубежной историографии // Уральский исторический вестник. - 2017. - №4(57). - С. 54-62.
6. Jones A. Genocide: A Comprehensive Introduction. - London; New York: Routledge, 2011. - 464 p.
7. Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. - 1992. - № 2. - С. 20-31.
8. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. - М.: ИРИ РАН, 1996. - 265 с.
9. Бугай Н. Ф. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». - М.: АИРО-XX, 1995. - 320 с.
10. Ким Г. Н. История иммиграции корейцев. Книга 1. Вторая половина XIX в. 1945 г. - Алматы: Дайк-пресс, 1999. - 424 с.
11. Ермекебаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы. - Алматы: Дайк-Пресс, 2009. - 508 с.

12. Апендиев Т. А. История появления немецкой диаспоры в Казахстане в контексте исторических событий и факторов // Национальная ассоциация ученых (НАУ). - 2015. - № III (8). - С. 120.

13. Мажитова Ж.С., Хасенова Ж.О. Депортация советских немцев в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. - 2015.

14. Из истории депортаций. Казахстан 1930-1935 гг. Сборник документов. - Алматы: LEM, 2012. - 712 с.

15. Из истории депортаций. Казахстан 1935-1939 гг. Сборник документов. - Алматы: LEM, 2014. - 744 с.

16. Из истории депортаций. Казахстан 1939-1945 гг. Сборник документов. - Алматы: LEM, 2018. - 700 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДВУАЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Шапетов А.О.

Научный руководитель: м.г.н., ст. преподаватель Шапагатова Д.Д.
Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А. Букетова
almaz.oralbekovich@gmail.com
г. Караганда

Формирование двуязычия в Казахстане в советский период представляло собой сложный, многоэтапный и противоречивый процесс, обусловленный реализацией государственной национальной политики СССР, направленной на создание единого культурно-языкового пространства при формальном сохранении языков народов. Двуязычие в данном контексте не являлось естественным следствием межкультурного общения, а формировалось в рамках институциональной системы управления, идеологического контроля и социально-экономической трансформации региона. Период с 1917 по 1929 годы характеризуется началом формирования двуязычной среды в Казахстане, обусловленной радикальными политическими и социальными изменениями. Революция 1917 года разрушила прежнюю административную и образовательную систему, создав вакуум, который советская власть стремилась заполнить с помощью национальных кадров. Политика коренизации, начатая в начале 1920-х годов, предусматривала активное вовлечение казахов в органы управления и образования.

В 1918 году открываются первые казахские школы и курсы ликбеза для взрослых, которые стали основой для формирования национальной образовательной сети. До этого времени уровень грамотности среди казахов составлял всего 2-3%, что значительно ограничивало их доступ к государственной службе и административным функциям. Русский язык в этот период уже использовался в административной документации, как язык межнациональной коммуникации, в городах и среди партийных кадров, формируя начальные условия асимметричного двуязычия.

В 1920-е годы в Казахстане была внедрена политика коренизации, основным принципом которой являлось привлечение представителей титульных наций к управлению и развитию национальных языков в сфере образования, делопроизводства и культуры. Сулейменов указывает, что в этот период казахский язык активно внедрялся в административную практику, школьное образование и печатные издания, что способствовало росту его социального престижа и расширению функциональной сферы [1, с. 45]. Переход казахской письменности на латинскую графику в 1929 году рассматривался как шаг к модернизации и унификации национальной культуры, одновременно разрывая связь с традиционной тюрко-арабской письменной традицией [2, с. 113].

Однако уже к концу 1930-х годов наблюдается кардинальный поворот в языковой политике. Усиление централизованного контроля и переход к идеологии «советского народа» сопровождалось свёртыванием функций национальных языков. Перевод казахского алфавита на кириллицу в 1940 году, по мнению Волкова, стал инструментом культурной интеграции и одновременно механизмом усиления роли русского языка как доминирующего [3, с. 79]. Этот процесс сопровождался сокращением объёма преподавания казахского языка в школах и переводом ключевых дисциплин на русский. 1940-1950-е годы: война, эвакуация, освоение целины. С началом Великой Отечественной войны Казахстан становится территорией эвакуации промышленности, науки и культуры. Более 1 млн человек рабочих, инженеров, научных работников переезжают в республику, усиливая русскоязычную среду.